

Максимова Елена Владимировна

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается понятие религиозной идентичности как одной из актуальных форм самоидентификации индивида в условиях глобализации. Выявляется значимость религиозной идентичности в условиях усиления влияния новых регионов в межкультурном пространстве. Автор описывает религиозную идентичность, используя подход культурной мозаики, анализируя роль религиозного фактора в перспективе регионального развития. Показана возможность создания концепций религиозной идентичности, альтернативных западному конструкту и наиболее эффективных для решения глобальных проблем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 106-108. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

MAINTENANCE OF PUBLIC ORDER AND SECURITY AT RAIL TRANSPORT IN RUSSIA IN MARCH-OCTOBER, 1917

Lyasovich Tat'yana Georgievna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Udal'tsov Andrei Aleksandrovich, Ph. D. in Law, Associate Professor
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
vyaznikova@mail.ru; oudaltsov@mail.ru

This article is devoted to the research of the Provisional Government reforms aimed at organizing the maintenance of public order and security at the Russian rail transport in March-October, 1917. The authors, referring to archival data, study a number of the projects of the formation of railway militia and conclude that a single law on railway militia was not adopted due to political reasons, and the problem of the organization of public order and security at the Russian rail roads was not resolved properly.

Key words and phrases: February Revolution; Provisional Government; militia of Provisional Government; railway militia; maintenance of public order; struggle against crime.

УДК 130.3

Философские науки

В статье рассматривается понятие религиозной идентичности как одной из актуальных форм самоидентификации индивида в условиях глобализации. Выявляется значимость религиозной идентичности в условиях усиления влияния новых регионов в межкультурном пространстве. Автор описывает религиозную идентичность, используя подход культурной мозаики, анализируя роль религиозного фактора в перспективе регионального развития. Показана возможность создания концепций религиозной идентичности, альтернативных западному конструкту и наиболее эффективных для решения глобальных проблем.

Ключевые слова и фразы: религиозная идентичность; культурная идентичность; религия; региональная идентичность; развитие региона; культура; культурная мозаика; глобализация; самоидентификация.

Максимова Елена Владимировна, к. филос. н.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
novsu.maximova@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Новгородской области в рамках научного проекта № 16-13-53002 «Территориальная идентичность как символический ресурс региона».

Вопрос о содержании понятия идентичности, маркирующего совокупность представлений человека о самом себе, остается дискуссионным и открытым. Учитывая, что все аспекты, формирующие концептуальную призму идентичности, – культура, генетика, личность, ценности, этика и т.д., – породили свои собственные сферы исследования, неудивительно, что фокус собирания воедино различных проявлений индивидуальной идентичности проблематичен и чаще всего означает практику ее описания сквозь одну из социальных призм.

Проблема может быть прояснена с помощью подхода, согласно которому для изображения ясной картины идентичности и понимания ее композиционной природы необходимо множество призм. Такую точку зрения представляет методология М. Кастельса, анализирующего идентичность в контексте культуры [3]. Устойчивое определение культуры чаще всего относится к Э. Тайлору, который подчеркивал важность культуры как совокупности приобретенных идентификаций, знаний, привычек, морали и обычаев, которые отделяют одну социальную группу от другой [9, р. 1-26]. Для концептуализации идентичности может быть удачно применена теория сложной социальной, или мультивариативной, идентичности, определяемой множеством факторов в каждый отдельный момент, без явного предпочтения доминирующему [2]. Также репрезентативный способ представления идентичности показывает теория культурной мозаики, разработанная Г. Чао и Г. Муном. Культурная мозаика – это метафорическая концептуализация множества культурных индикаторов, описывающих индивидуума [4, р. 1128]. Различные фрагменты мозаики, как критерии, с помощью которых индивид определяет себя, могут быть разделены на ассоциативные, демографические и географические. Ассоциативные критерии указывают на социальные группы, которые выбирает индивид для самоидентификации; демографические охватывают физические или социальные наследуемые особенности, такие как возраст, пол, раса и этническая принадлежность; географические представлены теми аспектами идентичности, которые базируются на географических особенностях региона, таких как городской-сельский, материковый-островной, климатический фактор и т.д. [Ibidem, р. 1129-1131].

Одним из преимуществ определения культурной мозаики является то, что идентичность конституируется всей мозаичной картиной сразу, что позволяет учитывать новые добавляющиеся культурные аспекты,

влияющие на самоидентификацию, такие как вестернизация, американизация или миграция, которые могут приводить к развитию новых типов глобальной идентичности, трансцендирующей прежние национальные и региональные границы [7, р. 327].

Важным компонентом культурной идентичности является религиозная самоидентификация. Хотя религиозная идентичность выделяется в качестве самостоятельного предмета исследования, она часто выражает не какую-то одну сторону натуры человека, а основу его мировоззрения, будучи не столько одной из «плиток» мозаики, сколько призмой, через которую понимается целостность [10, р. 61]. Внутри культурной мозаики религиозная принадлежность обычно описывается в ассоциативных терминах, но, в силу ее влияния на личность, она выражается и на демографическом уровне. Даже те индивиды, которые признают религию наименее значимым из факторов, влияющих на их жизнь, и не являющимся, говоря языком Канта, их «регулятивной идеей», могут находиться под ее влиянием в культурном, онтологическом или эсхатологическом смысле, осознанно или неосознанно будучи, по выражению В. А. Конева, «православными атеистами» [1].

«Религиозная идентичность» является западным конструктом, в основном фигурируя в дискуссиях западного секулярного контекста и подразумевая смысл индивидуализма, – понятия, построенного на представлении о единичной независимой личности, которой присуща уникальная конфигурация внутренних атрибутов (черт, мотивов, ценностей), которая ведет себя в соответствии с этой структурой и выстраивает отношения с другими индивидуумами [6]. Западная концептуализация идентичности сосредотачивается не столько на отношениях между людьми, сколько на поддержании веры во «внутренне присущее разделение отдельных личностей» [8, р. 226], при этом игнорируя тот факт, что в некоторых культурах, таких как индийская, подобное разделение может отнюдь не являться желаемым состоянием. Альтернативная концепция идентичности, более приемлемая для описания религиозных обществ Юго-Восточной Азии, была предложена антропологом К. Герцем, «связавшим» индивидуума необходимостью утверждения и выражения внутренних атрибутов [6]. В его теории личность представлена, прежде всего, как часть социального целого, которая не может быть понята вне отнесения к другому.

Неуниверсальность европейского понимания идентичности не означает отсутствия актуальности самого понятия, доступного для наполнения иным, неиндивидуалистическим, контекстом. Например, идентичность может центрироваться не вокруг самоутверждения, а вокруг самоотречения, и в таком ключе это понятие приложимо к религиозной идентичности индуистско-буддийской, христианской и других традиций. И наоборот, навязывание индивидуалистической формы идентичности культурам несекулярного, традиционного и религиозного характера (индуистской, исламской) не только не отвечает социальным реалиям и приводит к подмене научного исследования вариантом навязывания «гражданской религии» в виде новоевропейской системы ценностей, но и может спровоцировать межрелигиозные и межнациональные конфликты.

Рефлексия содержания понятия идентичности имеет отношение не только к теоретическому дискурсу определений, но и к решению практических проблем прикладной культурологии, в том числе, если речь идет о религиозной идентичности. Поскольку феномен религии трансцендирует границы национального и территориального, через его рефлексии могут быть освещены иные виды идентичностей, такие как национальная или региональная. Роль религии в конструировании региональной идентичности и регионального развития может быть показана с помощью континуума, на одном конце которого находится «ожидаемая религия», а на другом – «религия случайная». Большая часть литературы, посвященной религии, сконцентрирована на границе «ожидаемого». Междисциплинарные исследования, часто экономической направленности, держат фокус на изучение возможности планирования развития религии. Социальная нормативная система призвана сделать поведение индивидов предсказуемым, и религия в основном рассматривается не в плоскости ее вероучения, определяющего социальное поведение, а лишь в качестве своего социального следствия, проявления в обществе. Что касается социологии религии, то она часто вовсе не рассматривает само вероучение.

Несмотря на рационалистический характер религиоведческих исследований, в большинстве имеющих социологическую основу, религия проявляет себя как источник изменения нормативной социальной системы часто непредсказуемым для рационалистической парадигмы образом. Существует множество факторов, которые создают атмосферу в регионе: экономический, культурный, лингвистический, религиозный, – и если в конструировании одной региональной идентичности экономический фактор занимает приоритетное место, то для формирования другой религиозная идентичность может стать доминирующей.

Из опыта возникновения и укрепления шиитского региона на Ближнем Востоке может быть сделан вывод о том, что в некоторых ситуациях общность религиозной культуры и религиозной идентичности может взять верх и выдвинуть на сцену мировой политики деятелей (Иран), ранее не имевших значительного веса. Более того, такие «неожиданные» проявления религии, как ИГ, ясно показывают ее значимость в развитии региональной идентичности и могут повлиять на развитие других регионов (например, распространение идей ИГ некоторыми исламистскими организациями Краснодарского края).

Вместе с тем региональная идентичность Европейского Союза, основанная на «единстве в многообразии» и «общем культурном наследии Европы», является проблематичной для поддержания европейской самоидентификации, поскольку так называемый копенгагенский критерий (стабильные демократические институты, рыночная экономика, эффективный административный аппарат) больше отражает бюрократическое, нежели культурное пространство идентичности, границы которого к тому же не могут быть эффективно раздвинуты далеко на Восток. С точки зрения Папы Бенедикта XVI, единственным сильным базисом Европы является «общее христианское наследие», но вопрос использования религиозной идентичности как фундамента развития региона остается насколько проблематичным, настолько и перспективным и выходит далеко за рамки единства ЕС [5].

Идентичности, сформированные на основе религии, будь они региональные, национальные или интернациональные, трудно поддаются прогнозированию или управлению с помощью централизованных государственных действий или социальных теорий. Этот важный момент не получил достаточного внимания по той причине, что региональное планирование базируется на предпосылке о том, что религиозный фактор не играет ведущую роль в экономическом развитии. Однако эта позиция не учитывает динамичное состояние «живой религии» населения, не знакомого с научными теориями и движимого мотивами, которые, с точки зрения новоевропейского рационального субъекта, не должны быть доминирующими.

Список литературы

1. **Конев В. А.** Человек в мире культуры (человек, культура, образование): учебное пособие для студентов гуманитарного профиля. Самара: Самарский университет, 1996. 52 с.
2. **Brewer M., Pierce K.** Social Identity Complexity and Outgroup Tolerance // *Personality and Social Psychology*. 2005. Bulletin 31. P. 428-437.
3. **Castells M.** The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture: 3 vol. Cambridge, MA – Oxford, UK: Blackwell, 1997. Vol. 2. 461 p.
4. **Chao G., Moon H.** The Cultural Mosaic: A Metatheory for Understanding the Complexity of Culture // *Journal of Applied Psychology*. 2005. № 90. P. 1128-1140.
5. **Crist T.** Maintaining Religious Identity in the Wake of Interfaith Dialogue. Claremont Graduate University, 2014. 75 p.
6. **Geertz C.** The Interpretation of Cultures: Selected Essays by Clifford Geertz. N. Y.: Basic Books, Inc. Publishers, 1973. 470 p.
7. **Held D., McGrew A., Goldbatt D., Perraton J.** Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford: Stanford University Press, 1999. 540 p.
8. **Markus H., Kitayama S.** Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation // *Psychological Review*. 1991. Vol. 98. № 2. P. 224-253.
9. **Tylor E.** Primitive Culture: Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Language, Art, and Custom. Sixth edition. L.: Murray, 1920. 514 p.
10. **Ysseldyk R., Matheson K., Anisman H.** Religiosity as Identity: Toward an Understanding of Religion from a Social Identity Perspective // *Personality and Social Psychology Review*. 2010. Vol. 14. P. 60-71.

RELIGIOUS IDENTITY IN THE CONTEXT OF SUBJECT MATTER OF REGIONAL DEVELOPMENT

Maksimova Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
novsu.maksimova@mail.ru

The article examines the concept of religious identity as one of the topical forms of an individual's self-identification in the conditions of globalization. The significance of religious identity in the context of strengthening the influence of new regions in cross-cultural space is revealed. The author describes religious identity using the approach of cultural mosaic, analyzing the role of the religious factor in the perspective of regional development. The possibility of creating the conceptions of religious identity alternative to the western construct and the most efficient for the solution of global problems is shown.

Key words and phrases: religious identity; cultural identity; religion; regional identity; region development; culture; cultural mosaic; globalization; self-identification.

УДК 172.4

Философские науки

Статья посвящена изучению ценностно-мировоззренческих конфликтов и их оснований, связанных с крайними формами идентификации человека с этнической или религиозной группой. В качестве оснований ценностно-мировоззренческих конфликтов выступают также тенденции двойных противоположностей: модернизация – традиционализация, секуляризация – клерикализация. Рассматривается роль социокультурной интеграции как инструмента разрешения ценностно-мировоззренческих конфликтов и противодействия экстремизму.

Ключевые слова и фразы: Юг России; социокультурная интеграция; ценностно-мировоззренческий конфликт; экстремизм; социальные интеграторы.

Мальцева Виктория Викторовна

Северо-Кавказский федеральный университет
vika.m2308@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ: ПОИСК ОСНОВАНИЙ

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», грант Президента МД-7429.2015.6.

Одна из важнейших причин или, точнее, истоков всевозможных конфликтов – это аксиологический кризис, характерный для постсоветской России. Разлом старой идеологии и последовавший за ним идеологический вакуум дали почву для роста разнообразных умонастроений, течений, пропаганды антиценностей.